

Харлампиевский листок

№26

Печатается и распространяется
по благословению настоятеля
протоиерея Евгения Старцева

ПАСХА ВОСКРЕСЕНИЯ

Подробно о том, что происходит в храме в Пасхальную ночь, к чему призывает нас Иоанн Златоуст и почему пасхальную радость не нужно хранить лишь для себя, рассказывает архимандрит Савва (Мажуко).

НОЧЬ СВЯТЫХ ОГНЕЙ

Свою первую всенощную я *подсмотрел*. Наша семья не была церковной, но Пасху праздновали всегда. В пасхальную ночь мама, как заговорщик, уходила на таинственную церковную службу, и утро для всех начиналось с разговения «пасвяцоным» куличиком.

Настал день, вернее, ночь, когда на это «сборище заговорщиков» взяли и меня. Вспоминаю, и мне весело и хорошо. Море людей. Море огней. Неистовый звон колоколов и невероятно шумная служба. Нам так и не удалось пробраться в церковь. Всенощную стояли на улице в компании внезапно обнаруженных соседей. Что там пели батюшки, о чем восклицал хор – я не понимал ни слова. И отчего-то было очень светло на душе и радостно. Но та первая Пасха стала настоящим откровением о мне самом, потому что я, человек, с детства привыкший избегать людей, прятаться от многолюдства, впервые пережил восторг оттого, что вокруг люди, которые почему-то перестали быть чужими. И не важно, знакомы ли мы, ради чего пришли, во что веруем, мне было просто радостно, оттого, что *люди есть*.

Пасхальная служба непременно проходит ночью. Пасха – это ночь среди людей. Пасха не бывает личной, для себя. Пасха – для всех. Пасха – ночное собрание христиан. Мы сходимся, словно заговорщики, связанные страшной и веселой тайной. Мы все «повязаны» одной большой тайной – Христос воскрес!

Пасхальное богослужение – только ночью. Эту службу может выдержать только ночь. Молитва в оправе ночи. Если Пасха, значит, ночная служба, молитва на всю ночь, всенощная. Это слово так тесно вросло в Пасху, что большинство людей, говоря «Пасха», подразумевают «всенощная».

Однако «всенощная» – технический термин богослужебного устава. Это слово обозначает тип службы, отмеченный особой торжественностью. Всенощные положено совершать каждую неделю, например, в субботу вечером, а также в канун великих праздников. Слово «всенощная» – одно из самых моих любимых церковных слов. Оно стоит в одном ряду со словами «полунощница», «заутреня», «повечерие», или, по-старинному, «павечер»

ница». Когда-то всенощные действительно служили всю ночь, полунощницы совершали в полночь, а утренняя пелась на рассвете. Времена изменились, а слова «засахарились», обратились в богослужебные термины, мало имеющие отношение ко времени суток. И недоумевают «свежие» прихожане, придя на службу: кажется, объявляли всенощную, а молились каких-то три часа...

И только пасхальное богослужение – воистину всенощная.

Богослужение Пасхи – самая простая из церковных служб. Правда, этот невероятный секрет известен только знатокам богослужения. Остальным остается только *подсматривать* за Пасхой христиан, оставаясь чужими, чего не должно быть на празднике для всех. Всенощная – одно из духовных упражнений, которые можно совершать только всем вместе.

Прекращаются ли на Пасху наши духовные упражнения? Нет. Просто несколько смещаются акценты. Пасха – таинство единения, праздник соборности. Одно из самых простых и в то же время самых сложных духовных упражнений – искусство молиться вместе, «единым сердцем и едиными устами». Высший уровень – молитва «единым сердцем» – опыт подлинного, глубокого единения в Боге с каждым из наших ближних и со всеми вместе. Это очень высоко. Это таинство открывается не всем, но всякий должен к нему идти, быть готовым принять этот дар. Однако молиться «едиными устами» – это упражнение по силам каждому.

Пасхальная всенощная – лучший повод погрузиться в молитву «едиными устами», но это духовное упражнение требует некоторой подготовки.

Даже тем, кто *подсматривал* всенощную, известны закономерности пасхальной службы. Во-первых, молитва постоянно перемежается радостной переключкой:

- Христос воскрес!
- Воистину воскрес!

Во-вторых, большую часть службы все поют короткую молитву:

«Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Смысл этого текста понятен даже невнимательным соглядатаям. Это тропарь праздника Пасхи. Тропарем называют главное песнопение того или иного церковного праздника, своеобразную «визитную карточку» богослужебного события. Чаще всего это небольшие песнопения, которые следует знать наизусть и обязательно петь всем храмом. Если вы уже выучили тропарь Пасхи, считайте себя почти готовым к походу на всенощную. Почти. Поэтому что на этой службе будет кое-что еще.

Открывается пасхальное богослужение чтением полунощницы с каноном Великой Субботы. Приблизительно в полночь на-

чинается Крестный ход, который идет вокруг храма и останавливается у закрытых церковных дверей, символизирующих камень у входа в погребальную пещеру Христа. Здесь настоятель громко возглашает:

«Слава Святей и Единосущной и Животворящей и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков».

Хор, а с ним и весь народ, поет «Аминь». И тут священники впервые начинают петь тропарь Пасхи, и поют его трижды. В ответ хор, а значит, и все молящиеся, повторяют за батюшками троекратно тот же тропарь. Вообще, вся пасхальная служба сплетена из этих бесчисленных, но не утомляющих переключек. Это молитвенный диалог, из которого никому нельзя вырваться, ни одному возгласу нельзя остаться неотвеченным.

Священники подхватывают пасхальные стихи «Да воскреснет Бог», всего их четыре, и на каждый народ отвечает пением тропаря, а священники и хоругвеносцы на всякий стих перемещаются, чтобы под пение очередного тропаря оказаться на новой стороне света. После стихов батюшки поют «Славу», то есть «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», им отвечают тропарем. Духовенство затягивает «И ныне», то есть «И ныне и присно и во веки веков. Аминь», и снова тропарь. После чего переключка сменяется *допеванием*: батюшки поют первую половину тропаря, народ за ними допевает, и все заходят в храм.

То, что сейчас произошло, называется началом пасхальной утрени. Зайдя в церковь, дьякон говорит мирную ектению, а это тоже хорошо известная нам переключка: на прошения ектении люди отвечают «Господи, помилуй». Поэтому не останавливаемся, продолжаем молиться «едиными устами» и единым дыханием.

После ектении будет сложнее, потому что начинается пение пасхального канона. Канон короткий. Он не читается, а поется, и в этом особенность пасхального богослужения: все поется, читается только Писание. Значит, надо запастись текстом канона и подпевать за хором, тем более что напев очень простой и задорный, а текст легко запоминается. К следующей Пасхе будете петь наизусть.

Во время пения канона священники непрерывно носятся с кадилком по храму, выкрикивая «Христос воскрес». Вы, конечно, отвечайте, но не забывайте и канон петь – очень утешает.

Канон заканчивается неожиданно быстро пением святильна «Плотию уснув», после чего батюшки снова подхватывают уже известные нам пасхальные стихи. Но на этот раз хор, а значит, и мы с вами, отвечает не тропарем, а стихирами Пасхи, и их тоже следует выучить наизусть, для чего вам понадобится просто посетить несколько служб на Светлой седмице.

После пасхальных стихир читается Огласительное слово св. Иоанна Златоуста, звучат две ектении, и пасхальная утренняя закончилась. Вот такая простая служба! Странно, что кто-то может в ней запутаться.

После утрени поют пасхальные часы. Это небольшое собрание коротких и ободряющих текстов, которые поются не только в церкви, но и дома вместо утренних и вечерних молитв. Надо ли упоминать, что их не только следует петь за хором, но и знать наизусть?

Литургия начинается вслед за часами, причем начало у этой службы такое же, как и начало утрени после Крестного хода. Все повторяется.

Чин литургии на Пасху сохраняет свою обычную структуру. Но вы должны быть готовы к некоторым замечательным моментам. Прежде всего, всю службу двери алтаря остаются открытыми. Они не закрываются и между службами, и так всю Светлую седмицу. Мне это очень нравится, тем более что символизм этого действия понятен даже тем, кто не «испорчен» богословием.

Мгновение, которого ждут многие, – это знаменитое и неповторимое чтение Евангелия на разных языках. Это и вправду необычайно красиво и утешительно. Вместе с непрерывным каждением, беготней по храму, выкриками «Христос воскрес» это чтение символизирует широту и всеохватность пасхальной проповеди апостолов. И еще в этом чтении слышится оправдание любого языка, апология церковности каждого народа, потому что каждому языку и племени Господь готов доверить Свои великие тайны. Это маленькое боговоплощение, когда Превечное Слово воплощается в словесную плоть, которую дает Ему каждый народ, делая Бога своим, становясь своими Богу.

Задостойник Пасхи тоже надо знать наизусть, что не составит вам труда, поскольку ирмос «Светися, светися» мы уже пели на пасхальном каноне.

Вот и всё. Очень просто. Но сколько радости и утешения быть на Пасхе своим, не «подсматривать за чужой свободой», а самому включиться в единое молитвенное дыхание Церкви. А тому, кто дышит вместе с Церковью одним дыханием, откроется и нечто большее.

ЧТО СКАЗАЛ ЗЛАТОУСТ?

Пасхальная всенощная дарит верующим опыт молитвы «единными устами», одно из самых красивых и доступных церковных утешений. Однако на Страстной седмице мы приобщились к духовному упражнению «очищения смыслов», приобрели навык созерцания Страстей. Опыт созерцания не прерывается и в Пасхе Воскресения.

Пасха Крестная созерцала Христовы Страсти.

Пасха Воскресения вглядывается в тайну Жизни, победившей смерть. Предмет созерцания пасхальных дней – «Жизнь с избытком», из гроба воссиявшая. Но это не просто предмет созерцания. Самой Жизни мы приобщаемся в Чаше Причастия. Тело Христова становится нашим телом, Его Кровь вливается в наши жилы.

В самом центре Пасхи – Чаша Евхаристии. В Евхаристии мы причащаемся подлинной Жизни, поэтому невозможно помыслить пасхальное богослужение без причастия. Причастие – самый важный момент пасхальной службы. Не пасхальные гимны, не Крестный ход, не чтение Евангелия на языках, не освящение куличей делают Пасху Пасхой, а именно Евхаристия, без которой все эти прекрасные моменты службы не достигают своей цели.

Подготовка к посту начиналась под знаком пасхальной трапезы. Вспомните притчу о блудном сыне. Она завершается трапезой, ради которой закалается откормленный телец. Поэтому притча о блудном сыне – на самом деле притча о Евхаристии, о последнем и непрекращающемся пире Царствия, на который позван каждый из нас. Это пир не для каждого лично. Пасха – праздник для всех. Поэтому и притча о мытаре и фарисее, и блудный сын, и описание Страшного суда, и многие другие сюжеты, через которые мы проходили Великим постом – о трапезе, которую мы должны разделить не просто с Богом, но и с людьми, которые рядом. Однако не я звал их на этот пир и не от моего желания зависит, с кем посадит меня Господь за эту таинственную трапезу вечности.

В пасхальном богослужении замыкается круг образов и знаков, которые мы созерцали Великим постом. Помогает собрать все эти образы воедино Огласительное слово святителя Иоанна Златоуста, уже не одно столетие читаемое в пасхальную ночь.

К чтению и слушанию этого важнейшего текста следует готовиться. И даже если вы хорошо знаете Писание, все же, отправляясь на пасхальную всенощную, перечитайте притчу о работниках в винограднике из двадцатой главы Евангелия от Матфея.

«Царство Небесное подобно хозяину, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой. И договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой» (Мф. 20:1).

Так начинается притча. Хозяин выходит на торжище еще в третий час, в шестой, девятый и, наконец, в одиннадцатый, и всякий раз нанимает работников, которые отправляются возделывать виноград. Вечером управитель по повелению хозяина выплачивает каждому по динарию, начиная с пришедших позже всех. Работники первого часа ропщут: *«Эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной» (Мф. 20:11).* Как же эти слова напоминают обиду

«правильного» брата из притчи о блудном сыне! Но в отличие от кроткого отца этой притчи хозяин дает обидчивым работникам жесткую отповедь:

«Возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» (Мф. 20:14-15).

И вот только после этой евангельской истории можно слушать Златоуста, который начинает не с богословия Пасхи, не с раскрытия таинственных смыслов, а с призыва участвовать в трапезе, потому что в Пасху следует погружаться не теоретически, а опытно:

Кто благочестив и боголюбив, – тот пусть насладится этим прекрасным и светлым торжеством.

Кто раб благоразумный, – тот пусть, радуясь, войдет в радость Господа своего.

Кто потрудился, постясь, – тот пусть возьмет ныне динарий.

Кто работал с первого часа, – тот пусть получит сегодня должную плату.

Кто пришел после третьего часа, – пусть с благодарностью празднует.

Кто успел придти после шестого часа, – пусть нисколько не беспокоится; ибо ничего не лишится.

Кто замедлил до девятого часа, – пусть приступит, нисколько не сомневаясь, ничего не боясь.

Кто успел придти только в одиннадцатый час, – пусть и тот не страшится за промедление.

Ибо щедрый Владыка принимает и последнего, как первого; успокаивает пришедшего в одиннадцатый час так же, как и работавшего с первого часа;

и последнего милует, и о первом печется;

и тому дает, и этому дарует; и дела принимает, и намерение приветствует;

и деятельности отдает честь, и расположение хвалит.

Златоуст говорит о невыразимом милосердии Господа, который на Свой пир рад принять любого. Златоуст умоляет не бояться Бога, отвергнуть страх и ужас хотя бы в этот день, забыть мучительное чувство вины, которое так любят лелеять верующие люди, отдохнуть от себя в Боге, позволить Ему уврачевать наши раны, потому что не за наши труды и заслуги мы получили доступ к Его жизни, но только благодаря Его непостижимому и необъяснимому человеколюбию.

*Итак, войдите в радость Господа нашего;
и первые и вторые получите награду;
богатые и бедные, ликуйте друг с другом;
воздержные и нерадивые, почитите этот день;
постившиеся и непостившиеся, веселитесь ныне.
Трапеза обильна, – насыщайтесь все;
телец велик, – пусть никто не уходит голодным;
все наслаждайтесь пиршеством веры;
все пользуйтесь богатством благодати.
Никто пусть не жалуется на бедность, ибо
открылось общее Царство.
Никто пусть не плачет о грехах, ибо из гроба
воссияло прощение.*

Трапеза – общая. Царство – общее. Радость – общая.
Потому что Пасха – для всех. Это праздник Бога-Человеко-любца. Его жизнью и Его любовью мы живы. Поэтому самое важное, что нужно сделать на Пасху, – открыться этой любви, жизни и радости, разрешить себе хотя бы в эти дни быть святым, чистым и веселым. Но не хранить эту радость для себя, а разделить ее с другими.

И как естественно, когда после пасхальной всенощной все прихожане разговляются тут же в храме, все вместе, вокруг своего пастыря, разделив Чашу, делят друг с другом скромную пасхальную трапезу. Ибо Пасха – общая трапеза. Пасха – праздник для всех.

«ВО ВСЯ ТЯЖКАЯ»

Почему бы вам не спросить: есть ли у меня любимое духовное упражнение? Отвечу утвердительно и даже назову его тем именем, которым сам его наградил – «здоровое неистовство». Время этого упражнения приходится на пасхальный период, но поскольку Пасха есть самое нормальное и эталонное состояние христианина, это духовное упражнение можно практиковать круглый год.

Что такое «здоровое неистовство»? Это естественное, а значит, здоровое проявление неудержимой радости, всё то, что порождается избытком сердца. Помните? – «от избытка сердца глаголют уста» (Лк 6:45). Не только уста глаголют, но и ноги танцуют, руки обнимают, грудь поёт, колокола звонят и много всего замечательного рождает избыток сердца. Но именно Пасха – время, которое по преимуществу следует посвятить «здоровому неистовству» как духовному упражнению.

Чему нас учит апостол Иаков? *«Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поёт псалмы»* (Иак 5:13). Опустим злострадания – время Пасхи не для них. Пасха – для торжества и веселия. Русским словом «весёлый» переводится греческое «евфюмос» – «радостный», «находящийся в хорошем расположении духа». Славянский вариант ближе к оригиналу: «Благодушествует – да поет». Если в душе поселилось пасхальное благодушие, нужно непременно дать ему себя проявить, надо обязательно пошуметь, покричать, «потрясти антресолями».

Самое понятное – то, что под рукой, христосование. Не стесняйтесь обниматься и целоваться на Пасху, а если того требует избыток сердца, предавайтесь этому «здоровому неистовству» и в другие дни года. Монахи по чёткам считают количество молитв, а мирянам можно использовать те же чётки для точного подсчёта количества обниманий. Исполнение духовного правила требует практики и постоянства. В монашеском правиле одна кафизма «стоит» триста молитв Иисусовых. Интересно, сколько это в обниманиях?

Избыток сердца удерживать вредно, а порой даже и преступно. Мне известны случаи, когда одно простое и крепкое объятие без слов спасало человека от гибели. Поэтому объятия – самый доступный вариант «здорового неистовства», то есть пасхально-духовного упражнения. Этот вид аскезы наиболее популярен в силу его доступности и дешевизны.

Не забываем, что на Пасху непременно надо шуметь и как можно больше. Поэтому в дни Светлой седмицы церковные службы – самые живые богослужения в году. Все поют, и здесь даже отсутствие слуха и голоса не помеха, потому что уста глаголют от избытка сердца, которое удерживать вредно, значит петь надо всем, причем много и громко, что непременно обернётся очевидной духовной пользой.

Шуметь можно и по-крупному. Для этого у христиан есть колокольни. В большие праздники церковный устав предписывает звонить «во вся тяжкая».

Это церковное выражение переключалось в светский лексикон, сохранив память о здоровом неистовстве, которое и есть подлинная причина появления в церковном обиходе колоколов и колоколен. Мысль о колоколах постоянно кружит мне голову. Ведь это что-то невероятное: как община скромных и кротких христиан дошла до мысли о башнях с колоколами. Все наши соборы и колокольни, картины и хоры, всю избыточную и завораживающую церковную красоту вызвало к жизни беспокойное и радостное христианское сердце, которому было мало ночной молитвы и чтения Писания, надо было кричать о Пасхе на весь свет!

Ради духовного плода непременно следует вскарабкаться на башню и как следует погромить, отвести душу, ведь в дни Светлой седмицы никто вас с колокольни не прогонит. По крайней мере, до тех пор пока ваше неистовство будет оставаться здоровым.

Один старичок как-то говорил: «Россию спасут крестные ходы». А я слушал и посмеивался: вот ведь какой наивный. Мудрость этого пророчества открылась мне с годами. Крестный ход – это один из самых известных видов «здорового неистовства», а значит, плод «избытка сердца». Старичок всего лишь перепутал причину и следствие. Правильнее так: крестные ходы – *признак* оздоровления России. Чем больше людей добровольно, по требованию своего благодушного сердца участвует в крестных ходах, тем крепче в народе утверждается пасхальная весть Евангелия. Ноги сами просятся в путь, песня сама рвётся из груди, руки сами тянутся к колоколу, когда переполняет человека «избыток сердца», радость, бьющая через край. Крестные ходы должны быть массовыми, весёлыми и долгими, чтобы там было место и детям с маленькими иконками, цветами и кадильницами, и взрослым с хоругвями и рипидами, чтобы идти долго и радостно и обязательно петь во всё горло, всем вместе, на весь свет кричать о своей радости.

«Здоровое неистовство» может и должно выплёскиваться за ограду церкви и строй крестных ходов. Пусть христиане собираются вместе, разделяют трапезу, пусть учатся радоваться хорошему вину, хорошим блюдам, красивым разговорам, шумным песням, бодрым танцам, пусть шутят, дурачатся, жгут костры, состязаются в меткости и силе. «Здоровое неистовство» – это хорошо и правильно. Если бы мы относились к науке радости и утешения как к духовному навыку и воспитанной привычке, скольких проблем и трагедий удалось бы избежать. Поэтому – предаёмся «здоровому неистовству» научно и профессионально, как матёрые аскеты и духоносные хохотуны. Ведь именно по нашему «здоровому неистовству» однажды все поймут, что Россия спасена.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПАСХИ

«Христосоваться, значит, целоваться щёчками». Так сказал один малыш. А малыши, как известно, знают толк в поцелуях. Дети охотно целуются, их пухлые щёчки будто нарочно созданы для целования. В малышах живёт какая-то естественная нежность, заразительная настолько, что, видя этот «румяный пухырь» даже самый суровый взрослый не может удержаться от улыбки или объятий.

Что вы будете делать, если встретите на улице потерявшегося котёнка? У некоторых взрослых такая встреча сразу обра-

щается в этическую проблему, толкает к смелым обобщениям, безвозвратно увлекая в лабиринты теодицеи. А малыш, скорее всего, просто запихнёт котёнка за пазуху, под рубашку и потащит домой.

Мы говорим «за пазухой». Для нас это просто тёплое и безопасное место. «Жить, как у Христа за пазухой» – это выражение я слышу с детства, оно означает высшую степень безопасности и благополучия. Эта фраза, скорее всего, была рождена христианским мироощущением. Нам это так знакомо: потеряться и быть найденным, быть спрятанным в тепле у самого сердца Бога.

Церковь жива Пасхой. Пасха – в сердцевине нашего церковного года. Православное богослужение живёт памятью Пасхи, Пасхой мы «живём и движемся и существуем». И при этом так странно, что в нашей традиции нет иконы Пасхи. Потому что Пасха есть тайна будущего века. Пасха началась здесь, но «еще не открылось, что будем». Вместо иконы Пасхи у нас есть образ «Сошествие во ад»: Христос в лучезарных ризах стремительно снисходит в глубины преисподней, попирая её врата Своими стопами и тянет руки к детям Адама. В этом жесте – всё.

Бог тянется к людям – в этом тайна Пасхи.

Апостол Павел верил, что Его «подобрал» *воскресший Христос*: «А после всех явился и мне, как некоему извергу» (1Кор. 15:8). А ведь явление на дороге по пути в Дамаск произошло спустя довольно времени после Воскресения.

Невозможно стать верующим, не встретив Бога. Но эта встреча и есть Пасха. С Пасхи всё начинается, и всё ведёт к Пасхе, к Пиру Царствия, где каждый найдёныш отдохнёт на груди у Бога.

Мы у Христа за пазухой, и Христос у нас за пазухой. Ведь тот маленький крестик, который мы получаем в день крещения, мы носим не на шее, а на груди. Распятие покоится в том месте, которое называется греческим словом «колпос», отчего епископские панагии и иерейские кресты в древности назывались «энколпион» – то, что покоится на груди.

Перевод слова «колпос» знаком нам по притче о богаче и Лазаре: по ту сторону гроба Лазарь оказался на лоне Авраамовом: «кэ Лазарос эн тис колпис авту» (Лк 16:23). Лазарь почивал не в недрах Авраама, как может показаться и не на руках праотца. Слово «колпос» поминали, когда описывали трапезу, потому что в древности на Востоке пировали полулёжа, облокотившись на левую руку, почивая по двое на особых коврах или диванах, так что один из пирующих мог положить голову на грудь другого. Это место на груди и называлось «колпос». Богач в аду увидел пирующих праведников, и нищий и презренный Лазарь спокойно почивал на груди у самого патриарха Авраама.

Любимый ученик Христа, апостол Иоанн, на Тайной Вечери возлежал на груди Иисуса – здесь евангелист тоже употребил знакомое нам слово.

Пасха – грядущий Пир Царствия, на котором каждый ученик – любимый, каждый найдёныш – на лоне Спасителя.

Слово «пасха» – плод неожиданного наслоения двух похожих слов из двух непохожих языков: еврейского «песах» – «прошел мимо» и греческого «пасхо» – «страдаю», «претерпеваю».

Для христиан древности Пасха это единство Страстей и Воскресения. Они созерцали Вокресение неотрывно от Страданий – Пасха Крестная и Пасха Воскресения.

Предательство Иуды – Пасха. Суд у Пилата – Пасха. Терновый венец – Пасха.

Ангел у гроба – Пасха. Слезы Магдалины – Пасха. Уверение Фомы – Пасха.

Пасха началась преломлением хлеба в Сионской горнице.

В преломлении хлеба узнали ученики воскресшего Господа.

Пасха – это Пир Царствия, который уже начался, и которому мы приобщаемся уже здесь на каждой литургии. Пасха в единстве страдания и отрады, труда и утешения, и невозможно попасть на грудь Учителя, не пройдя своей пасхи крестной.

Пасха неизбежна. А это значит, что каждому предстоит пройти свою голгофу, вынести поцелуй своего иуды, выпить до последней капли всё то, что доверил мне пережить мой Создатель. Но всё непременно закончится Пасхой Воскресения и торжества жизни и правды. Положено мне страдать и пройти сквозь смерть – пройду, потому что Сам Господь освятил для меня этот путь.

Поэтому сказать «Христос воскрес» то же, что сказать «всё будет хорошо».

Верить в Пасху – доверять Богу.

Верить в Пасху – быть готовым пройти путём Христа.

Верить в Пасху – знать, что, в конце концов, всё будет хорошо, обязательно хорошо!

Верить в Пасху – не бояться страданий, смотреть на них весело, твёрдо зная, что жизнь стоит того, чтобы быть прожитой!

Пасха неизбежна. Пир уже начался.

© ООО ТД «Никея», 2018

© Издательский дом «Никея», 2018

© «Православие и мир», 2018

**Михаило-Архангельский Харлампиевский храм
Иркутск 2019 г.**